Королевство стужи и звездного света

Автор:
Сара Маас

Королевство стужи и звездного света

Сара Дж. Маас

Lady FantasyКоролевство шипов и роз #4

Война окончена, в Притианию пришел мир. Коварные планы правителя Сонного королевства, вступившего в сговор с Тамлином, верховным правителем Двора весны, разрушены. Казалось бы, ничто не может омрачить радости победителей, и грядущий День зимнего солнцестояния люди встретят, не опасаясь ударов со стороны темных сил. Только рано еще почивать на лаврах. На севере, в Иллирианских горах, где расположены лагеря крылатых воинов, зреет мятеж. И Фейре с Ризандом, верховным правителям Двора ночи, надо сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить кровавую бойню.

Сара Дж. Маас

Королевство стужи и звездного света

Sarah J. Maas

A COURT OF FROST AND STARLIGHT

Copyright © 2018 by Sarah J. Maas

All rights reserved

This translation of A Court of Frost and Starlight is published by arrangement with Bloomsbury Publishing Inc.

Серия «Lady Fantasy»

© И. Б. Иванов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моим читателям,

умеющим смотреть на звезды и загадывать желания

Глава 1

Фейра

Первый снег нынешняя зима обрушила на Веларис часом ранее ожидаемого.

За прошлую неделю земля успела промерзнуть. Я как раз оканчивала завтрак, доедала яичницу с беконом и торопливо запивала ее крепким чаем, когда тонкая белая пыль припорошила светло-серые камни мостовых.

Я понятия не имела, где сейчас Риз. Когда я проснулась, его рядом не было, а простыни с его стороны успели остыть. Он ушел, а я и ухом не повела. Ничего удивительного: все эти дни нас захлестывал поток дел и мы жутко уставали.

Завтракала я в городском доме, сидя одна за длинным столом из вишневого дерева и хмуро поглядывая на клубящиеся за окном снежинки. Когда-то я отчаянно боялась первого снега, ибо он предвещал долгие суровые зимы. Но как раз такая долгая суровая зима два года назад заставила меня углубиться в лес и вынудила убить волка, позарившегося на мою добычу. Я и подумать не могла, что волк, который на самом деле был оборотнем, приведет меня в счастливую жизнь.

А снег все падал. Крупные хлопья накрывали сухую траву на лужайке перед домом и украшали островерхие прутья декоративной ограды пушистыми шапками.

Каждая пляшущая снежинка пробуждала во мне сверкающую, потрескивающую магическую силу. Да, я стала верховной правительницей Двора ночи, однако унаследовала магические дарования всех дворов. И теперь в игру вступала зима, с двором которой я тоже связана.

Наконец я почувствовала себя вполне проснувшейся и немного опустила магический щит, охранявший разум. Магическим зрением он виделся стеной из черного адаманта. Я потянула за нить, соединяющую наши души, и спросила Риза: «Куда тебя унесло в такую рань?»

Мой вопрос растворился в черной мгле. Верный признак того, что Риз сейчас за пределами Велариса. Возможно, и за пределами Двора ночи. Это меня тоже не удивляло. Последние месяцы он много странствовал, посещая союзников по

недавней войне. Риз укреплял отношения с ними, налаживал торговлю и следил за их устремлениями в новом мире, где больше не было стены, отделявшей дворы от земель смертных. Если дела позволяли, я отправлялась с ним.

Я жадно допила чай и понесла посуду на кухню. Игры со льдом и снегом обождут. В кухне орудовала Нуала, готовя еду для полуденной трапезы. Ее сестры-двойняшки Серридвены рядом не было. Я остановила поползновение Нуалы отобрать у меня тарелку и чашку.

– Сама помою, – сказала я вместо приветствия.

Вся в хлопотах по сотворению мясного пирога, Нуала – полупризрак-полуфэйка – наградила меня благодарной улыбкой и не стала возражать. Ее отличала немногословность. Меж тем близняшки были не из робкого десятка. Особенно если учесть, что обе шпионили, выполняя задания Риза и Азриеля.

– А снег валит и валит, – сказала я, сама не зная, зачем говорю столь очевидные вещи.

Посуду я мыла на ощупь, глядя в кухонное окно. Элайна заранее подготовила сад к зиме, прикрыв мешковиной самые нежные кусты и цветочные клумбы.

– Похоже, снегопад до вечера.

Нуала украсила пирог решеткой из теста и принялась скреплять края. Ее призрачные пальцы двигались проворно и умело.

– Так приятно, когда в День зимнего солнцестояния все белым-бело, – сказала она мелодичным, негромким голосом, полным шепота теней. – А то несколько лет подряд в этот день не было снега.

Я и забыла. Через неделю у нас праздник, День зимнего солнцестояния. Я еще не освоилась с положением верховной правительницы и даже не представляла, какова моя роль на этом торжестве. Будь у нас верховная жрица, она бы затеяла вычурную церемонию вроде той, что Ианта устроила год назад…

Год назад. Боги милосердные, прошел почти год с тех пор, как Ризанд напомнил о заключенном с ним соглашении. На самом деле то была отчаянная попытка вызволить меня из душного, отравленного мира Двора весны, спасти от безысходности. Опоздай он хотя бы на минуту – одной Матери известно, что? бы случилось и где я была бы сейчас.

Снег заботливо укутывал сад. Мешковина, укрывавшая кусты, выглядывала из белого покрывала коричневыми островками.

Усилия Ризанда – моей истинной пары – были неимоверными и совершенно бескорыстными. Он делал все, даже не позволяя себе надеяться, что мы когда-нибудь соединимся.

За эту любовь сражались мы оба. Кровь проливали. Риз даже отдал за нее жизнь… К счастью, его воскресили.

Те страшные мгновения до сих пор мне снились и вспыхивали видениями днем… Его застывшее лицо. Застывшая грудь. Порванная связующая нить. Я и сейчас иногда ощущала эту пустоту. Страшную пустоту вместо нити. Вместо него. Даже сейчас, когда нить обрела былую прочность и текла, словно река звездного света, эхо утраты сохранялось. Оно выталкивало меня из сна, вторгалось в разговор, заставляло бросать кисть и забывать о приготовляемой еде.

Риз прекрасно знал, почему в иные ночи я цеплялась за него, а ярким солнечным днем могла до боли стиснуть руку. И я знала, почему его глаза стекленели, почему он вдруг странно смотрел на нас, будто не веря, что мы – не плод его воображения, и почему он тер грудь, избавляясь от призрачной боли.

Мы оба спасались работой. Она заставляла сосредоточиться. Порой я боялась тихих праздных дней. Тогда-то на меня и накидывались страшные воспоминания. Я оставалась наедине с ними. Я вновь думала о бездыханном Ризе, лежащем на каменистой земле, о правителе Сонного королевства, сломавшем шею моему отцу, о крылатых иллирианских воинах, сожженных в небе и пеплом павших на землю.

Возможно, когда работы станет меньше, она уже не сдержит лавину страшных воспоминаний.

К счастью, в обозримом будущем нам такое не грозило. Восстановление Велариса после атак Сонного королевства стало лишь одной из грандиозных задач. Хватало и других: в Веларисе, Иллирианских горах, Каменном городе и вообще по всему Двору ночи. Наш двор был лишь частичкой Притиании, а Притиания – пусть и очень большим, но островом. Кроме него, существовали громадные континенты, и события там развивались не самым лучшим образом.

Но ближайшее событие – День зимнего солнцестояния. Самая длинная ночь в году. Я отвернулась от окна. Нуала все еще возилась с пирогом.

– Я так понимаю, здесь этот праздник справляют по-особому? – как бы невзначай спросила я. – Не так, как при Дворах зимы и дня.

И при Дворе весны.

– Это уж точно, – подтвердила Нуала, придирчиво оглядывая пирог.

Опытная шпионка, прошедшая выучку не у кого-нибудь, а у Азриеля, и вдобавок прекрасная повариха.

– Мы очень любим этот праздник. Он такой теплый, домашний. Подарки, музыка, угощения. Пир под открытом небом, при свете звезд…

Ничего похожего на пышное многодневное празднество, которое мне пришлось выдерживать в прошлом году. Но я совсем забыла про подарки. Надо купить подарки всем… Что значит «надо»? Я с удовольствием это сделаю. Ведь те, для кого я буду их покупать, – мои друзья, моя семья. Они тоже сражались, проливали кровь и едва не погибли.

Усилием воли я прогнала воспоминание: Неста, склонившаяся над раненым Кассианом. Оба готовы умереть в сражении с правителем Сонного королевства. А у них за спиной – труп нашего с Нестой отца.

День зимнего солнцестояния – прекрасный повод собраться. А то в последнее время нам редко удавалось провести вместе больше часа. В лучшем случае – двух.

– Это еще и время отдыха, – продолжала Нуала. – Возможность поразмышлять о тьме, среди которой загорается свет.

– А церемония бывает?

Женщина-полупризрак пожала плечами:

– Бывает, только никто из нас не ходит. Это больше для желающих чествовать возрождение света. Но сначала нужно целую ночь просидеть в темноте.

На губах Нуалы мелькнула такая же призрачная улыбка.

– Для нас с сестрой это не в диковинку. Да и для верховного правителя тоже.

Хвала богам. Никто не потащит меня в храм, где нужно выстаивать долгие часы. Я кивнула, стараясь не показывать радости.

Я поставила посуду в деревянную сушилку, пожелала Нуале кулинарных успехов и отправилась наверх переодеваться. Серридвена приготовила одежду, однако сама не показалась. Я надела теплую черную кофту, черные облегающие штаны и сапоги на теплой подкладке. Возиться с волосами не хотелось, и я заплела их в не слишком тугую косу.

Год назад меня одевали в роскошные платья, обвешивали драгоценностями и заставляли красоваться перед напыщенными придворными, а те пялились на меня, как на удачно купленную породистую лошадь.

Но здесь… Я улыбнулась простенькому серебряному кольцу с сапфиром на левой руке. Это кольцо я утащила у той, кого привыкли называть Ткачихой. Только потом мы узнали, что ее настоящее имя – Стрига.

Моя улыбка потускнела.

Память показала мне и Стригу, стоящую перед правителем Сонного королевства. Она была с головы до ног покрыта кровью своих жертв – вражеских солдат. Но в том сражении победил король. Он сломал Стриге шею, а затем бросил тело чудовищам.

Я стиснула пальцы в кулак и задышала. Вдох носом, выдох ртом. Пока не исчезла слабость в руках и ногах и пока стены спальни не перестали на меня давить.

Чтобы чем-то занять мозг, я разглядывала предметы в нашей с Ризом спальне. Ее ни в коем случае нельзя было назвать маленькой, но с некоторых пор там стало… тесновато. Письменный стол из палисандрового дерева был густо завален бумагами и книгами – моими и Риза вперемешку. Часть моей одежды и украшений переместилась сюда, другая оставалась в прежней спальне. К общему хаосу добавлялось оружие.

Мечи и кинжалы, луки, колчаны со стрелами. Я лишь чесала в затылке, глядя на тяжелую, зловещего вида булаву, примостившуюся у стола. Риз притащил ее сюда, а я и не заметила. Когда успел? Лучше не спрашивать. Но наверняка без Кассиана не обошлось.

Разумеется, все это можно спрятать в нишу между мирами, однако… Моя коллекция иллирианских ножей, громоздящаяся на комоде, выглядела ничуть не лучше.

Если снегопад запрет нас дома, пожалуй, я потрачу день на наведение порядка. Найду место всему. Особенно булаве.

Задача не из простых, поскольку Элайна по-прежнему жила с нами и ее комната почти рядом. Неста обзавелась жильем в другой части города. О «гнездышке» старшей сестры я старалась не задумываться. Хвала богам, что Ласэн нашел себе милый дом на набережной. Он перебрался туда на следующий же день после возвращения с войны. И со Двора весны.

Я не задавала Ласэну вопросов о визите к Тамлину. Он тоже не объяснил причин появления синяка под глазом и рассеченной губы. Только спросил нас с Ризом, не знаем ли мы места в Веларисе, где можно снять жилье, поскольку он не хочет нас стеснять. Возвращаться в Дом ветра ему тоже не хотелось, ибо там он чувствовал себя затворником.

Ласэн ни разу не упомянул Элайну и не сказал, что хочет быть поближе к ней. В свою очередь, моя средняя сестра повела себя так, словно ей было все равно,

останется он или переберется в другое место. По поводу синяка и рассеченной губы она тоже промолчала.

Ласэн обосновался в Веларисе и находил себе какие-то занятия. У нас он не показывался днями, а то и неделями.

Но и после того, как Неста и Ласэн покинули дом, он не стал просторнее – особенно когда появлялись Мор, Кассиан и Азриель. А Дом ветра был слишком велик, слишком официален и вдобавок далеко от города. Там неплохо провести пару дней, однако… я привыкла к этому дому. Первый дом, который я могла по-настоящему назвать домом.

Замечательно будет отпраздновать здесь День зимнего солнцестояния. А шум и тесноту… вытерплю.

Взгляд упал на груду неразобранных бумаг. Письма из других дворов, обращения жриц, желающих служить в том или ином храме, послания из фэйских и человеческих королевств. Я неделями не притрагивалась к ним и наконец решила посвятить утро разбору письменных завалов.

Верховная правительница Двора ночи, защитница Радуги и… хранительница письменного стола.

Я хмыкнула, перебросив косу на спину. Пожалуй, лучшим подарком себе стал бы личный секретарь, который бы добросовестно читал письма и отвечал на них, умело отделяя существенное от второстепенного. Чуть больше времени для себя, для Риза…

Надо посмотреть бюджет двора. Риз никогда не влезал в эти цифры, а я влезу. Посмотрю, на чем можно сэкономить, чтобы платить жалованье секретарю. Мы с Ризом оба не любили увязать в писанине.

Наверное, во мне говорил опыт прежней жизни, где постоянной спутницей была бедность. А сейчас… При нашем богатстве мы легко могли нанять секретаря, ни на чем не экономя. Я вообще могла бы тратить время исключительно на себя и Риза, но меня не манила праздная жизнь. Земли Двора ночи и его жители занимали в моем сердце важное место наравне с Ризом. Вплоть до вчерашнего дня я с утра до вечера помогала нуждающимся… пока мне в исключительно

учтивой манере не предложили вернуться домой и несколько дней потратить на себя и подготовку к празднику.

После войны жители Велариса вплотную занялись восстановлением города и помощью нуждающимся. Раньше, чем я об этом задумалась, возникли многочисленные сообщества добровольцев. Я работала в нескольких. Заниматься приходилось всем. В первую очередь – подыскивать жилье тем, кто остался без крыши над головой, ободрять и утешать тех, кто потерял близких или покалечился во время атаки на Веларис. Уж не знаю, каким образом до наших краев добирались беженцы, но я занималась и их устройством. А с наступлением холодов всем требовалась теплая одежда, не говоря уже о еде.

Все, что я делала, было жизненно важным. Работа успокаивала. И в то же время… я чувствовала, что способна на большее. Моя помощь может быть более действенной. Как? Над этим я постоянно ломала голову.

Однако я была не единственной, кто искренне старался помочь нуждающимся. Накануне праздников прибавилось добровольцев. Они заполнили общественное здание близ Дворца рукоделия и драгоценностей, где разместилось большинство добровольческих сообществ.

– Ваша помощь была неоценимой, – сказала мне вчера женщина, возглавляющая одно такое сообщество. – Вы работали у нас чуть ли не ежедневно, не щадя себя. Отдохните недельку. Вы честно заработали отдых. Проведите эти дни с мужем.

Я пыталась возражать, говоря, что на распределении теплой одежды и дров никакая пара рук не лишняя. Фэйка молча указала на обширный зал за спиной, битком набитый добровольцами.

– По-моему, скоро у нас будет столько добровольцев, что придется изыскивать им работу.

Когда я стала упрямиться, эта решительная женщина нежно взяла меня под руку, вывела наружу и закрыла дверь.

Я поняла намек, но не смирилась. Сообщества добровольцев были и в других местах. Я попытала счастья еще в нескольких. Сговорились они, что ли? Куда бы

я ни стукнулась, мне вежливо отвечали:

– Идите домой, отдыхайте и наслаждайтесь праздником.

Что ж, первую часть пожелания я выполнила. А вот насчет наслаждения…

Связующая нить наконец принесла мне ответ Риза, сопровождаемый гулом темной, сверкающей магической силы: «Я в лагере Девлона».

«А почему так долго не отвечал?» Путь от Велариса до Иллирианских гор неблизкий, но связующая нить доносила ответы мгновенно, не требуя томительных минут ожидания.

Смех Риза был глубоким, чувственным. «Мне помешал монолог Кассиана. Парень говорил без остановки. Даже дышать забывал».

«Мой бедный иллирианский малыш. Согласись, что тебе здорово от нас достается».

Невидимые руки Риза – я лишь ощущала их, окруженные тенями, – ласкали меня. Мой ответ несколько удивил и позабавил его. Но удивление тут же сменилось короткой фразой: «Кассиан сцепился с Девлоном. Кажется, у них серьезно. Посмотрю, стоит ли мне вмешиваться».

Вскоре я получу подробный отчет о происходящем в военном лагере, а пока…

Я улыбнулась снежинкам, все так же пляшущим за окном.

Глава 2

Ризанд

Время – девять утра, а Кассиан уже порядком взвинчен.

Неяркое зимнее солнце безуспешно рвалось сквозь толщу облаков, повисших над Иллирианскими горами. Ветер шумно ударял по серым вершинам. В самом лагере снежный покров достигал трети локтя. Вскоре засыпет и Веларис.

Снег там уже начинался, когда на рассвете я покидал город. К моему возвращению все будет белым-бело. Пару минут назад мы с Фейрой перекинулись несколькими фразами по связующей нити. Спросить ее про снегопад я не успел. Быть может, я не задержусь здесь и мы прогуляемся по улицам. Покажу ей весь блеск и сияние города Звездного света на фоне свежего снега.

Здесь кажется, что и моя истинная пара, и Веларис остались где-то в другом мире. Меня окружает Гавань ветров – так называется лагерь, разместившийся высоко в горах, на широком перевале. Иллирианцы привыкли рано вставать в любую погоду. Не знаю, кто дал лагерю такое название. Ветры не прилетают в эту «гавань» отдохнуть. Сейчас они взяли себе в союзники снегопад и яростно атаковали лагерь. Однако обитатели Гавани ветров и не думали отказываться от повседневных занятий.

Воины – кроме тех, что несли службу в дозоре, – упражнялись на нескольких площадках. Защитного ограждения у площадок не было, и они подходили к самому краю отвесного склона. Внизу лежала долина, не столь широкая, как перевал.

Те, кто по каким-либо причинам не годился для воинской службы, занимались торговлей, кузнечным делом, тачанием сапог. Женщин же изо дня в день и из года в год ожидала нудная работа по дому.

Правда, сами женщины так не считали. Никто из них. Но что для молодых, что для старух круг дел был сравнительно невелик: стряпня, уборка, присмотр за детьми, шитье, стирка… Все это – нужные и важные дела, которыми можно гордиться. Угнетало лишь, что ничего иного от иллирианских женщин и не ждали. Если же кто-то – сплошь девчонки-подростки и совсем молодые женщины – пытались уклониться от вековых обязанностей, их наказывали. В лагере было с полдюжины «мамаш», надзирающих за женской частью населения. Помимо них, бунтарку мог наказать отец, брат и даже сосед.

Так было во времена юности моей матери. Так было во времена моего детства. Несколько месяцев назад, после войны, мир избрал другой путь. Исчезла стена, разделявшая фэйский мир и мир смертных. Но иллирианцы словно застыли во времени. Окрестные ледники растают быстрее, чем здесь произойдут серьезные перемены. Никто не осмеливался покуситься на тысячелетние традиции.

Пока не появились мы. И то…

Я стоял близ учебной площадки. Спор Кассиана с Девлоном перерос в настоящую перепалку. Я притворился безучастным и повернулся к ним.

– Девкам хватает хлопот. Не успеешь оглянуться, как уже День зимнего солнцестояния. Матерям помогают, – говорил местный командир, сложив руки на выпяченной груди. – В такую пору ни одна пара женских рук лишней не бывает. Какой семье захочется ударить в грязь лицом? Вот праздник пройдет, на следующей неделе и будут упражняться.

Эти разговоры длились уже не один десяток лет. Поначалу Девлона вообще нельзя было сдвинуть с места, как Кассиан ни старался. Но и сейчас наши успехи оставались весьма скромными.

Ветер трепал темные волосы Кассиана. Лицо моего соратника и названого брата оставалось жестким, как гранит. Когда мы были мальчишками, Девлон помыкал нами. Такого наставника я бы не пожелал никому. Но он так и остался командиром лагеря, а Кассиан поднялся до командующего иллирианской армией.

– Девчонки успеют помочь матерям и после занятий. Сегодня мы сократим время упражнений до двух часов. Оставшегося времени будет более чем достаточно для приготовлений к празднику.

Светло-карие глаза Девлона взглянули на меня, стоявшего поодаль.

– Это приказ?

Я выдержал его взгляд. Несмотря на корону верховного правителя и власть, мне стоило усилий вновь не почувствовать себя дрожащим мальчишкой, каким я был

пятьсот лет назад. Тогда Девлон казался мне невероятно рослым. Он навис надо мной, а потом толкнул в сторону учебной площадки.

– Если Кассиан так говорит, значит это приказ.

Все годы, что мы сражались с упрямством Девлона и таких же, как он, закосневших иллирианцев, мне не раз приходила в голову мысль проникнуть в их разум и попросту склонить на свою сторону. Но были невидимые границы, которые я не мог и не хотел переступать. Поддайся я искушению, Кассиан ни за что бы меня не простил.

– Один час, – проворчал Девлон, окутываясь облачком пара.

– Два часа, – возразил Кассиан, слегка раздвинув крылья.

Сегодня он с утра держал жесткую оборону, даже вызвал меня на подмогу.

Мой названый брат умел разбираться сам. Он не стал бы выдергивать меня из Велариса, не окажись положение скверным. А оно было сквернее некуда. Пожалуй, нам придется учредить постоянный надзор за этим и другими лагерями, пока иллирианцы не перестанут упрямо цепляться за традиции.

Легко сказать – учредить надзор. Война взбаламутила и опустошила Притианию. Нужно было восстанавливать разрушенное и налаживать отношения с землями людей. Стена исчезла, и фэйские королевства пытались безнаказанно погреть на этом руки… У нас попросту не было ресурсов для учреждения надзора. Во всяком случае, сейчас. Возможно, будущим летом, если другие Дворы не преподнесут сюрпризов.

Ближайшее окружение Девлона толкалось на соседней площадке, оценивающе поглядывая на нас с Кассианом. Нам было не привыкать к их взглядам. Со многими из них мы обучались, а затем проходили кровавый ритуал – тяжелейшие испытания за право называться иллирианским воином. Соперники по учебным поединкам превращаются в противников. Девлон тогда думал, что мы с Кассианом и Азриелем погибнем, не выдержав испытания, но просчитался. За дни кровавого ритуала мы убили достаточно тех, на кого он делал ставку. Такое не забывается. И спустя пятьсот лет нас боялись и ненавидели, однако… Нельзя забывать, что минувшим летом иллирианцы храбро сражались на войне и

несли, пожалуй, самые внушительные потери, приняв на себя главный удар Сонного королевства и Котла.

Уцелевшие воины были живыми свидетельствами отменной выучки и блестящего командования Кассиана. Они вернулись сюда, в свой особый мир, и снова потянулась привычная лагерная жизнь, когда один день похож на другой. Но память о войне, о потерях никуда не делась. Она будоражила умы и сердца и уже начала превращаться во что-то уродливое и опасное.

Храбрость храбростью, однако среди иллирианских воинов были не только доблестные воины. Водились и предатели. Мы хорошо помнили, как во время самозваного правления Амаранты несколько отрядов охотно признали ее власть. Точно так же иллирианцы хорошо помнили, что первые месяцы после ее падения мы вели беспощадную охоту на предателей и уничтожали их.

Да, надзор необходим. Но не сейчас.

Девлон не собирался уступать. Скрестив на груди мускулистые руки, он предпринял новую атаку:

– После того, что вынесли наши парни за минувшее лето, они заслужили достойный праздник. И женщины всех возрастов обязаны подготовить им настоящее торжество.

Девлон умело владел и мечом, и языком. Этого у него не отнимешь.

– Два часа упражнений на площадках каждое утро, – произнес Кассиан.

Его тон ничуть не смягчился. Я знал: Кассиан достиг опасной черты и с ним лучше не спорить, если не хочешь, чтобы словесная перепалка переросла в кулачную. Все это время он безотрывно смотрел на Девлона.

– И от парней не убудет, если они помогут матерям, женам и сестрам с приготовлениями к празднику. У них ведь тоже две руки.

– Не у всех, – сказал Девлон. – Кое-кто вернулся одноруким.

Я не столько увидел, сколько почувствовал глубокую рану, нанесенную Кассиану.

Такова была плата за должность главнокомандующего армией: каждую смерть, увечье и даже шрам он воспринимал как свой недочет. Особенно здесь, среди воинов, видя безруких, безногих, искалеченных. Лагерные лекари делали все, что могли, но кому-то уже было не суждено вернуться в строй…

– Женщины будут упражняться по полтора часа, – сказал я, успокаивая волну темной магической силы, которая забурлила в моих жилах.

Произнеся это, я засунул озябшие руки в карманы. Кассиан расправил крылья, добросовестно изображая недовольство. Девлон открыл рот, но я продолжил, не дав ему сморозить глупость:

– Всего полтора часа каждое утро, а затем пусть возвращаются к домашним делам. И мужчинам не возбраняется помогать везде, где требуется их помощь.

Я взглянул на шатры, каменные и деревянные домики, разбросанные по перевалу и склонам.

– Не забывай, Девлон, что война ударила и по многим женщинам. Пусть никто из них не лишился руки или ноги, зато они потеряли отцов, мужей, сыновей и братьев. А потому все в равной степени займутся подготовкой к празднику и будут упражняться по утрам.

Я кивнул Кассиану, и мы направились в дом, где всегда останавливались. Там каждый уголок помнил наши с Фейрой любовные слияния; особенно кухонный стол. Ничего удивительного: наши парные узы только складывались, и я был необуздан, как любой фэйский мужчина. Я жаждал быть рядом с ней и внутри ее.

Какими давними и далекими казались мне те дни, словно это было совсем в другой жизни!

Мне самому требовался праздник.

Мы шли к двухэтажному каменному дому у кромки деревьев, давя сапогами снег и лед.

Праздник не для отдыха, не для хождения по гостям, а чтобы провести побольше времени в постели с истинной парой. Отоспаться, насытиться друг другом. Все последние дни приходилось выбирать либо-либо, что было для меня совершенно неприемлемо и толкало на глупости.

На минувшей неделе мы были по горло заняты, однако мое желание не слушало доводов рассудка. Я отчаянно хотел Фейру и слился с ней, пока мы летели из Дома ветра в городской дом. Слияние высоко в небесах… Ну хоть не на виду у горожан – я прикрыл нас плащом. Это требовало изрядных ухищрений. Я месяцами выжидал подходящего мгновения. И вот… Мне было достаточно заглянуть в ее серо-голубые глаза, и руки сами потянулись и расстегнули ее штаны.

Через несколько секунд я уже вошел в нее. Мы закувыркались и чуть не рухнули на крыши, словно иллирианские малыши, не научившиеся летать. Фейра посмеивалась. Ее смех лишь подхлестнул мой оргазм.

Не скажу, что это было лучшим из наших слияний. Но до праздников еще есть время, чтобы исправить положение в более привычных условиях.

Как всегда, при мысли о Фейре во мне нарастало желание. Пришлось опять волевым усилием загнать его поглубже.

Кассиан молчал. Я тоже. Мы подошли к крепкой входной двери.

– Есть еще неприятные новости? – спросил я, отряхивая снег с сапог.

Стоило мне толкнуть дверь и войти, на глаза сразу же попался кухонный стол. Память услужливо подбросила картинку: голая Фейра, распластанная на столе. Я едва погасил изображение.

Кассиан ответил не сразу. Он шумно выдохнул, захлопнул дверь и привалился к ней, сложив крылья.

– Назревает раскол. Если учесть, что на праздник соберется много кланов, зараза может распространиться.

Магической силой я разжег пламя в очаге. Дом быстро согревался. Даже малый выплеск магии ослабил напряжение, вызываемое необходимостью сдерживать темную силу.

– Нам уже доводилось разгребать подобное дерьмо, – сказал я, вставая спиной к проклятому столу. – Разгребем и сейчас.

Кассиан покачал головой. Его черные волосы поблескивали в неярком свете, льющемся из окон.

– Сейчас не так, как прежде. Раньше тебя, меня и Аза ненавидели за то, что мы из себя представляем. За наше положение. А в этот раз… мы послали их воевать. Я их послал, Риз. И среди недовольных не только воины-забияки, но и женщины. Они считают, мы отправили иллирианцев на юг, чтобы отомстить за издевательства и унижения детства и юности. Представляешь? Когда-то Девлон и его мо?лодцы измывались над нами, а теперь мы взяли реванш, бросив иллирианских воинов в самое пекло.

Мысли нелепые, но очень опасные.

– В таком случае надо действовать осторожно. Найти, откуда распространяется отрава, и заткнуть ядовитый источник, но миролюбивым образом. Это не сражение, откуда выходишь с боем и жертвами, – пояснил я, заметив удивленно вскинутые брови Кассиана.

– Никаких сражений, – согласился Кассиан, почесывая подбородок.

С предателями, служившими Амаранте, было проще. Здесь же предстояло разбираться не с врагами, наводившими ужас, а с соратниками, у которых помутился рассудок.

Кассиан смотрел на дом, знакомый нам с детства. В зимние дни здесь всегда бывало сумрачно. Огонь, что потрескивал в очаге, навеял воспоминания о матери, готовившей нам еду. Сердце наполнилось знакомой душевной болью.

Воспоминания о бурных днях с Фейрой – недавние. Но существовал другой, глубинный пласт, связанный с детством. Весь дом пропитался прошлым.

– Сюда на праздник слетится много воинов, – продолжал Кассиан. – Я могу остаться. Понаблюдать, как будут разворачиваться события. Возможно, раздать подарки ребятне и вдовам. Что-то по-настоящему нужное, о чем они сами из гордости никогда не попросят.

Мне понравился замысел Кассиана. И все же…

– Подарки подождут. Ты проведешь праздники дома.

– Ты не думай. Меня это совсем не тяготит.

– Я хочу видеть тебя дома. В Веларисе.

Удивительно, но Кассиан до сих пор верил в иллирианскую сопричастность. А дорогие иллирианские соплеменники вытирали о него ноги, причем с самого детства.

– Мы отпразднуем День зимнего солнцестояния в семейном кругу. Соберемся все.

Даже если мне придется воспользоваться властью верховного правителя и приказать ему.

– А тебя-то что гложет? – вдруг спросил Кассиан.

– Ничего.

В общем-то, у меня не было причин для недовольства. Невозможность постоянно резвиться с Фейрой в постели я бы не назвал таким уж серьезным осложнением. И потом, это касалось только нас двоих.

– Риз, я же чувствую, ты чем-то подавлен.

Кассиан видел меня насквозь.

Я вздохнул, подняв голову к древнему потолку, усеянному пятнами сажи. Мы не раз праздновали здесь День зимнего солнцестояния. Мать всегда припасала подарки для Азриеля и Кассиана. Я вспомнил самый первый такой день. До этого в жизни Кассиана не было ни праздников, ни подарков. Кассиан тогда разворачивал подарки и кусал губы, чтобы не разреветься. Моя мать смотрела на него, и в ее глазах тоже блестели слезы.

– Я хочу перескочить в следующую неделю, – признался я.

– И неужели всей твоей магической силы недостаточно для такого трюка?

Я сухо посмотрел на него. Кассиан нагловато усмехнулся.

Я был и всегда буду благодарен моим друзьям, моей семье. Они знали о моей темной силе и никогда не отшатывались, не выказывали страха. Конечно, порой я пугал их до смерти, но мы все пугали друг друга. Не хочется признаваться, сколько раз это делал Кассиан. Последний раз я крупно перепугался за него летом.

Не один раз. Дважды. Два раза на протяжении нескольких недель.

Я и сейчас видел, как Азриель выволакивал его с поля сражения. По ногам Кассиана струилась кровь, капая в раскисшую глину, а в груди зияла рана.

Это я видел собственными глазами. Вторая картина – не из моей памяти. Фейра впустила меня в свой разум и показала все, что произошло между ее сестрами и правителем Сонного королевства. И там Кассиан: окровавленный, с переломанными крыльями, извивался на земле, умоляя Несту бежать.

Сам Кассиан об этом не рассказывал. Ни о себе, ни о Несте. Я думал, ужасающие события их объединят. Ничего подобного. Они вообще перестали видеться.

Неста съехала от нас, найдя жилье на другом берегу Сидры, в обшарпанном домишке. В мире смертных людей такие дома именовались трущобами. С нами тоже прекратила общаться. Лишь Фейра иногда навещала старшую сестру,

редко задерживаясь там больше чем на полчаса.

И с этим тоже надо что-то делать.

Я видел, как тяжело Фейре. Ей до сих пор снились кошмары, и мне приходилось успокаивать ее. Один и тот же повторяющийся сон: страшный день в Сонном королевстве, когда ее сестер против воли заставили погрузиться в Котел. Они не хотели быть Сотворенными Котлом и обретать бессмертие. И конечно же, Фейре снились кошмары минувшей войны. Кассиан при смерти. Неста, прикрывшая его от рокового удара. И Элайна… робкая, кроткая Элайна… Кто бы мог подумать, что она схватит кинжал Азриеля и убьет правителя Сонного королевства?

– Ты не хуже меня знаешь: война всегда короче ее последствий. Столько времени прошло, а мы до сих пор их расхлебываем. Изо дня в день.

Осенью мы вновь не поехали в горную хижину, где проводили по пять дней, охотясь и наслаждаясь уединением. Отложили до следующего года.

– В праздник мы очень хотим видеть тебя дома. Посидим, обсудим, чем займемся весной.

– Заманиваешь шумным весельем?

Двор мечтаний не прочь пошуметь и повеселиться. Прошлое не очень-то баловало нас такой возможностью. Но о весне мы поговорим у нас в гостиной, а пока я задал Кассиану вопрос, вертящийся на языке:

– Девлон тоже среди потенциальных бунтовщиков?

Я молил богов, чтобы Кассиан ответил «нет». У меня хватало причин презирать Девлона и его отсталые взгляды, но надо отдать ему должное: в годы учебы он обращался с нами ничуть не хуже, чем с чистокровными иллирианскими воинами. Он и сейчас заботился обо всех незаконнорожденных и полукровках, попадавших к нему на выучку. Но меня откровенно раздражали его абсурдные воззрения насчет женщин. В такие минуты мне хотелось задушить Девлона или превратить его в туман. Но кем его заменить? Одной Матери известно, кто бы взялся командовать Гаванью ветров.

– Сомневаюсь, – покачал головой Кассиан. – Девлон мгновенно пресекает подобные разговоры. С одной стороны, правильно. А с другой – потенциальные бунтовщики становятся более скрытными и нам труднее искать разносчиков отъявленного вранья.

Я кивнул и встал. В Сезере меня ожидала встреча с двумя жрицами. Год назад они чудом уцелели в бойне, устроенной Сонным королевством. Разговор касался паломников, желающих попасть к нам из других земель. Я намеревался предложить жрицам повременить с решением до весны, и опоздание на встречу не придаст весомости моим доводам.

– Понаблюдай за лагерем, а затем прилетай в Веларис. Не накануне, а за два дня до праздников. И задержишься еще на день.

– Значит, наша зимняя традиция сохраняется, – усмехнулся Кассиан. – А то я думал, ты теперь совсем взрослый, женатый.

– Разве я могу допустить, чтобы мои иллирианские мальчишки праздновали без меня?

Кассиан снова усмехнулся. С Днем зимнего солнцестояния были связаны разные традиции. Некоторые не надоедали и через пятьсот лет.

Я был уже возле двери, когда Кассиан меня остановил.

– А… – успел произнести он и умолк.

Я избавил его от неуклюжих попыток скрыть любопытство. Вопрос был понятен без слов.

– Обе сестры Фейры тоже будут праздновать с нами. Их желание или нежелание в расчет не принимаются.

– Если Неста не захочет праздника, она его испортит.

– Она будет отмечать с нами, – скрипнув зубами, повторил я. – И будет вести себя учтиво. Она и так в долгу перед Фейрой.

– Как она? – спросил Кассиан, и у него сверкнули глаза.

– Неста есть Неста, – ответил я, не желая плести небылицы. – Делает что вздумается, даже если это больно бьет по Фейре. Я предлагал ей кучу разных занятий и неизменно слышал отказ. Может, за время праздника ты прочистишь ей мозги.

Сифоны на запястьях Кассиана вспыхнули.

– Боюсь, дело кончится скандалом, если не дракой.

Он не преувеличивал.

– Тогда не вовлекай ее в разговор. Главное – не доставлять огорчений Фейре. Как-никак для нее это двойной праздник.

День зимнего солнцестояния был и днем ее рождения. Через неделю ей исполнится двадцать один год.

Как же мало ей лет! Моей красивой, сильной, неистовой Фейре, связанной со мной парными узами.

– И что тебе морду скрючило? – грубо спросил Кассиан. – Возраст – дерьмо собачье. Фейра любит тебя так… Я не видел, чтобы кого-то еще так любили.

За окнами дома начиналось заснеженное поле. Чуть в стороне – учебные площадки и жилища воинов.

– Порой мне нелегко вспоминать, что она выбрала все это. Выбрала меня. Моих родителей жизнь просто столкнула вместе.

Кассиан стал непривычно серьезным. Минуту или две он думал над ответом, затем сказал:

– Иногда я тебе завидую. Раньше мне бы и в голову не пришло завидовать твоему счастью. Но знаешь, Риз, ваши отношения…

Кассиан запустил пальцы в волосы. Красный сифон вспыхнул, поймав свет из окна.

– В детстве нас пичкали разным враньем про то, как здорово найти свою истинную пару. Мне тогда плеваться хотелось. Я считал, что взрослые нам врут, и не мог понять зачем. А потом появилась Фейра.

– Но ей исполняется двадцать один год. Всего двадцать один!

– И что? Когда твои родители встретились, твоей матери было восемнадцать, а отцу – девятьсот.

– И она была несчастна.

– Во-первых, Фейра не похожа на твою мать. А во-вторых, и ты отличаешься от отца.

Кассиан смерил меня взглядом.

– Никак не пойму, что тебе не так? Может, ваши отношения… стали хуже?

То-то и оно, у нас с Фейрой все отлично.

Я переминался с ноги на ногу. Древние половицы отчаянно скрипели. Магическая сила внутри была похожа на зверя, крадущегося по моим жилам.

– У меня странное чувство, будто все это – нечто вроде шутки. Уловки Вселенной. Я же знаю: никто… понимаешь? Никто не может быть настолько счастлив и при этом не платить за свое счастье.

– Риз, ты уже заплатил. Вы оба. И не только вы.

Я махнул в ответ. Не сумел подыскать слов. Кассиан смотрел на меня, а потом подскочил и стиснул в объятиях. Я едва мог дышать.

– Вы с Фейрой совершили невозможное. Мы все. Но вы с ней столько всего вынесли на своих плечах, что никто бы не посмел вас осуждать, если бы вы, как Мирьяма с Драконием, удалились на укромный островок и стали бы жить для себя. Однако вам такая жизнь не по вкусу. Вы продолжаете работать, чтобы достигнутый мир был по-настоящему прочным. Мир, Риз. На наших землях наступил мир, и это не временная передышка, как бывало. Так наслаждайтесь миром и друг другом. Вы оплатили этот долг раньше, чем он стал долгом.

У меня комок застрял в горле. Я сжал руку Кассиана. Чешуйки его доспехов врезались мне в пальцы.

– А как насчет тебя? – спросил я. – Ты счастлив?

Светло-карие глаза Кассиана подернулись тенями.

– Я… на пути к этому.

Ответ, в который Кассиан не вложил душу.

И над этим тоже предстояло поработать. Подергать за нужные нити, а какие-то соединить.

– У тебя же еще полно дел, придурок, – бросил мне Кассиан, указывая на дверь. – Через три дня увидимся.

Я кивнул, распахнул дверь и остановился на пороге:

– Спасибо, брат.

Тени еще туманили глаза Кассиана, но его улыбка была нагловатой и вполне искренней.

– Почту за честь, господин верховный правитель.

Глава 3

Кассиан

Кассиан исчерпал все доводы. Ему хотелось задушить Девлона и других упрямцев из окружения военачальника. Но это он всегда успеет. И потом, смерть Девлона не погасит искры недовольства. Наоборот, разожжет еще сильнее. Нужно сделать передышку, унять бурлящие эмоции. Кассиан дождался, пока Риз совершит переброс, исчезнув в снегу, и решил сам на время покинуть лагерь.

Какое-то время мысли Кассиана бродили вокруг переброса. Действенное оружие против врагов. Это он видел собственными глазами, наблюдая Риза в сражениях. Его названый брат косил врагов, неожиданно появляясь в самых разных местах. У Аза был свой способ перемещения, похожий на переброс, но иного свойства. Как это у него получалось – Азриель не удосуживался объяснить, а Кассиан не приставал с расспросами. Сам он предпочитал летать, и крылья еще ни разу не подвели в бою.

Кассиан мог бы исчезнуть незаметно, однако предпочел позлить Девлона и прочих молодцев. Площадки для учебных состязаний раскинулись неподалеку, и оттуда, конечно же, видели, как он вышел из дома и стал потягиваться. Вначале руками, которые так и чесались расквасить несколько иллирианских физиономий. Поупражняв руки, Кассиан расправил крылья, а они у него были шире, чем у многих здешних воинов. Ему всегда завидовали из-за крыльев и из-за них же презирали. Кассиан махал крыльями, пока не почувствовал приятное жжение в мышцах и сухожилиях. Крылья отбрасывали на снегу длинные тени.

Почувствовав, что пора, Кассиан стремительно взмыл в серые небеса.

Взвыл ветер. От холода слезились глаза. Кассиан вошел в привычный ритм, мышцы спины напрягались и расслаблялись. Он поднялся еще выше, затем резко свернул влево, держа путь к вершинам за перевалом. Незачем кружить над Девлоном и площадками.

Ничто не злило иллирианцев сильнее, чем безразличие. Они улавливали посыл: «Я вас даже за угрозу не считаю». Кассиана этой хитрости давным-давно научил

Риз.

Он поймал восходящий поток, и тот перенес его через ближайшие вершины. Дальше начинался лабиринт заснеженных гор – его иллирианская родина. Кассиан глубоко дышал. Доспехи и перчатки согревали тело и руки, но крылья на холодном, пронизывающем ветру… Холод разил не хуже кинжала.

Можно было бы загородиться от ветра магией сифонов. Кассиан всегда так делал. Однако этим утром он сам искал обжигающих поцелуев ветра. Особенно если учесть, куда он направлялся и что собирался сделать.

Этот путь Кассиан промчал бы и с закрытыми глазами, вслушиваясь в песню ветра над горами, вдыхая запах снега и сосен на вершинах и запах камня на бесснежных полях.

Но летал он туда редко, когда чувствовал: еще немного, и ему будет не совладать с собой. И пока этого не случилось, нужно на несколько часов сменить обстановку. Сегодняшнее утро не стало исключением.

Вдали виднелись маленькие черные точки крылатых воинов. Дозорные. А может, вооруженное сопровождение семейств, направлявшихся на праздник к родне. Большинство фэйцев, особенно из числа знати, считали иллирианцев главной опасностью здешних гор. Им и невдомек, что в горах обитали существа пострашнее. Одни охотились, поднимаясь в воздух, другие выползали из глубоких пещер.

Фейре довелось столкнуться с тварями в иллирианских степях. Вступить с ними в бой ради спасения Риза. Вряд ли Риз захотел пугать ее еще сильнее и рассказывать, какие исчадия обитали в здешних горах. Часть истребили иллирианцы, кому-то удалось сбежать в степи. Но самые хитрые и коварные, самые древние… умели прятаться. А в безлунные ночи выходили на охоту.

Рассказы об этих тварях пугали Кассиана в детстве. Однако даже сейчас, пять веков спустя, став сильным и опытным воином, он не мог избавиться от тревожного, леденящего чувства внутри. Никто не знал, что? спало в недрах гор или глубоко под снегом.

Кассиан гнал тревожные мысли. Он повернул на север. На горизонте появились знакомые очертания горы. С каждом взмахом крыльев она становилась все ближе.

Рамиель. Священная гора. Сердце не только Иллириании, но и всего Двора ночи.

Никому не позволялось подниматься по ее бесплодным каменистым склонам. Только иллирианцам и только раз в год, во время Кровавого ритуала.

Не в силах противиться древнему зову Рамиеля, Кассиан полетел к горе. Она разительно отличалась от пустынной, одиноко стоящей горы в середине Притиании. Рамиель всегда ощущался живым, бодрствующим, наблюдающим за миром.

Кассиан был на вершине всего один раз, в последний день Кровавого ритуала. Истерзанный испытаниями, покрытый чужой и своей кровью, он с назваными братьями поднимался к ониксовому монолиту на вершине. Кассиан и сейчас ощущал хруст камешков под ногами, слышал собственное натужное дыхание, ибо он не только шел сам, но и тащил Риза. Азриель прикрывал их с тыла. Все трое прикоснулись к камню, добравшись до него первыми в конце недели жестоких испытаний. Трое непобедимых воинов.

За минувшие века Кровавый ритуал ничуть не изменился. Каждый год, в начале весны, сотни юных воинов, закончивших обучение, держали путь к лесам и горам, что окружали Рамиель. Появляться здесь в остальное время года запрещалось под страхом смерти. В противном случае ушлые парни излазили бы окрестности вдоль и поперек, чтобы заранее наметить наиболее короткие и удобные пути, а также чтобы расставить ловушки для соперников. На протяжении года проводились отборочные испытания; в каждом лагере свои. Но общие правила не менялись веками.

Всем испытуемым связывали крылья. Никаких сифонов. Особое заклинание подавляло любые попытки использовать магию. Никакого оружия. Никаких съестных припасов, походных шатров и подстилок для ночлега. Кроме доспехов – никакой дополнительной одежды. Цель испытания: к концу недели достичь вершины Рамиеля и прикоснуться к черному камню. Задачу юношам усложняли большие расстояния, естественные преграды и… другие испытуемые. За дни испытаний вспыхивала старая вражда, возникала новая, сводились счеты.

По мнению Аза, это была «неделя бессмысленного кровопролития».

Риз с ним часто соглашался, однако признавал и правоту Кассиана, считавшего Кровавый ритуал жестоким, но действенным способом, который позволял «выпустить пар» и разрядить опасную напряженность. А напряженности в иллирианских общинах хватало. И лучше дать ей выплеснуться во время Кровавого ритуала, не то сам не заметишь, как она перерастет в гражданскую войну.

Иллирианцы были сильным, гордым и бесстрашным народом. Но миротворцами они не были.

Возможно, ему повезет, и Кровавый ритуал этого года снимет часть недовольства. Кассиан бы и сам принял в нем участие, положи оно конец раздорам.

Война с Сонным королевством дорого обошлась иллирианцам. Не хватало еще только воевать между собой. Особенно сейчас, когда вдоль границ Двора ночи во множестве собирался неведомо кто.

Чем ближе к Рамиелю, тем выше становилась гора – гигантский обломок камня, пронизывающий серые небеса. Одинокий, прекрасный, вечный.

Неудивительно, что первый правитель Двора ночи поместил силуэт горы на свой герб. И три звезды над ней. Звезды действительно появлялись над Рамиелем: раз в год, на короткое время. Тогда вершина горы обретала корону. С появлением звезд начинался Кровавый ритуал. Кассиан не знал, что? появилось раньше: герб или Кровавый ритуал. Да и так ли это важно?

Подножие Рамиеля окаймлял свежий снег. Вокруг – хвойные леса и ущелья. Первозданная чистота. И никого. Ничто не говорило о кровопролитии, которое начнется здесь с приходом весны.

Гора становилась все выше и шире. Кассиан казался себе жуком, несомым ветром. Он повернул к южному склону, поднявшись достаточно высоко, чтобы на мгновение увидеть сияющий черный монолит на вершине.

Не знал Кассиан и о том, кто поставил этот камень. Если верить легендам, черный монолит появился задолго до создания Двора ночи, раньше, чем предки иллирианцев перебрались сюда из Мирмидонских гор, не говоря уже о появлении смертных. Снег покрывал подножия и склоны Рамиеля, однако на черный монолит не упало ни снежинки.

Кассиана охватило возбуждение. Странное, словно его жилы наполнились льдом, и довольно приятное.

Редко кто из участников Кровавого ритуала добирался до монолита. За пятьсот лет их было чуть больше дюжины: тех, кто не только достиг вершины горы, но и не погиб во время восхождения. Неделя, проведенная почти без сна, ибо на тебя могли напасть. Неделя, когда ты постоянно идешь или бежишь, ищешь пищу и делаешь оружие из палок и каменных обломков. Все это предельно выматывало, и подъем на вершину Рамиеля представлялся кошмаром, перед которым меркли недавно пережитые ужасы. Это было настоящим испытанием воли и мужества. Подниматься, когда у тебя не осталось ни капли сил, когда тело умоляет остановиться… Многих, очень многих сломил этот подъем.

Но когда Кассиан коснулся поверхности оникса и ощутил прилив древней силы, когда через мгновение она перенесла его в лагерь Девлона… Ощущение, стоившее всех тягот и опасностей.

Кассиан склонил голову, приветствуя Рамиель и черный монолит на вершине, а затем, поймав другой поток быстрого ветра, полетел к югу.

Он летел около часа. На горизонте появилась еще одна знакомая вершина. Но – знакомая одному Кассиану. Сегодня ему отчаянно требовалось увидеть и почувствовать это место.

Когда-то здесь стоял большой лагерь, не уступавший лагерю Девлона. Когда-то здесь кипела жизнь… пока в одиноком шатре на окраине лагеря не родился Кассиан. Вся вина его юной матери заключалась в том, что она родила сына вне брака, чем навлекла позор на лагерь. Через несколько дней, не дав оправиться после родов, ее с ребенком вышвырнули из шатра. А через несколько лет у нее забрали ребенка, увезя его в лагерь Девлона.

Кассиан приземлился на ровной площадке. Снеговой покров был здесь глубже, чем в Гавани ветров. Не верилось, что когда-то тут стояло селение. Время уничтожило все следы. А еще раньше лагерь уничтожил Кассиан, оставив после вторжения лишь развалины и пепел.

Когда он расправился со всеми, кто был повинен в издевательствах над матерью, лагерь опустел. Никто не захотел оставаться там, где кровь заливала развалины, учебные площадки и поля. Где валялись изуродованные тела тех, кого настигло запоздалое возмездие. Кто подался в другие лагеря, кто ушел неведомо куда. Вернувшихся не было.

И несколько веков спустя Кассиан не жалел о содеянном.

Он стоял по колено в снегу, слушал вой ветра. Возможно, лагерь, где он родился, существовал бы и сейчас… Но Кассиан ничуть не раскаивался.

Вся ужасающе короткая жизнь его матери сплошь была наполнена страданиями. С рождением сына страдания только усугубились; особенно после того, как у нее забрали Кассиана.

Когда он достаточно вырос и окреп, первым его желанием было вернуться и позаботиться о матери. Он опоздал.

Кассиану объявили, что мать умерла. Он требовал показать место ее погребения, но получил отказ. Скорее всего, у матери отняли даже право на погребение, выбросив тело в ледяное ущелье.

Он так и не узнал правду. Те, кто чуть ли не с детства измывались над его матерью, лишая ее хотя бы намека на счастье… Даже в последние мгновения своей поганой жизни они не говорили Кассиану, где похоронена его мать. Он склонялся над ними, а они плевали в лицо и со смаком рассказывали все подробности их мерзостного отношения к этой женщине.

Кассиану хотелось похоронить мать в Веларисе. Там, где свет, тепло и доброта. Далеко от здешних гор.

Он обвел глазами заснеженный перевал. Детские воспоминания об этом месте были слишком туманными: грязь, холод, крошечный очаг. Но он помнил нежный, мелодичный голос и такие же нежные худенькие руки.

Это все, что у него осталось в памяти о матери.

Кассиан запустил пальцы в волосы. Ветер спутал их до невозможности.

Он знал, зачем прилетел сюда сегодня, зачем постоянно навещал это место. Как бы Амрена ни дразнила его иллирианским мужланом, Кассиан знал, что? у него на уме и на сердце.

Девлон был справедливее большинства военачальников. Но и он не сочувствовал женщинам, у которых по тем или иным причинам не сложилась жизнь.

А чтобы жизнь складывалась у всех иллирианских женщин, они не должны быть приложением к мужчинам. Нужно учить их сражаться, стоять за себя и смотреть дальше кухонных очагов… И обучение девчонок в Гавани ветров – дань памяти его матери, похороненной на ближайшем склоне или вообще брошенной гнить. Чтобы никто из женщин не повторял ее участи. Чтобы иллирианцы, которых при всех недостатках он по-прежнему любил, в дальнейшем стали лучше, нежели сейчас. А задатки к тому были.

Безымянная, затерянная могила на горном перевале служила Кассиану напоминанием.

Он долго стоял, слушая ветер. Затем повернулся к западу, словно отсюда можно было увидеть Веларис.

Риз хотел, чтобы День зимнего солнцестояния Кассиан отпраздновал дома, со всеми, и он подчинится. Даже если Неста… Неста.

Ее имя отзывалось чем-то холодным и пустым. Сейчас не время и не место думать о ней.

Кассиан редко позволял себе думать о Несте. Обычно это плохо кончалось для его напарника по учебному поединку.

Он расправил крылья, в последний раз оглядев лагерь, который когда-то сровнял с землей. Еще одно напоминание: вот на что он способен, если его всерьез разозлить.

Пусть от Девлона и остальных твердолобых ему хочется орать во весь голос и крушить все подряд, нужно проявлять сдержанность. Он и Аз – самые могущественные иллирианцы за долгую и кровавую историю этого народа. Только у них было по семь сифонов, что позволяло управлять необузданной разрушительной силой, которой они обладали. Дар и тяжкая ноша. Об этом Кассиан помнил всегда.

Три дня. Он проведет в лагере еще три дня, а затем полетит в Веларис.

Из этих трех дней он выжмет все, что возможно.

Глава 4

Фейра

Эта часть Велариса называлась Радуга. В Радугу я влюбилась с первого взгляда. Неудивительно, что накануне Дня зимнего солнцестояния здесь было оживленнее, чем во многих частях города.

Фэйцы и фэйри нескончаемым потоком вливались в двери магазинов, лавочек и картинных галерей, чтобы через какое-то время вновь оказаться на улице и направиться дальше. Владельцы заведений, балансируя на приставных лестницах, развешивали между фонарными столбами гирлянды из сосновых веток и остролиста. Кто-то, только открыв магазин, очищал ступени крыльца от снежной пелены. Иные – видимо, художники – вообще никуда не спешили. Они стояли, поворачиваясь на месте и устремив взор к серым небесам. Естественно, их волосы и одежда быстро покрывались снежной пылью.

На одного такого мечтателя я чуть не налетела. Этот фэйри расположился посередине улицы. Его кожа напоминала кусок оникса, а в глазах сверкали звезды. Я направлялась в небольшую уютную галерею, в витрине которой выставили картины и керамику. Прекрасное место для покупки праздничных подарков. На синей, недавно выкрашенной двери висела гирлянда из сосновых веток и шишек. Посередине к ней крепились медные колокольчики.

Дверь была новой. Витрина – тоже.

Несколько месяцев назад прежнюю дверь разбили в щепки и залили кровью, а витрина искрилась окровавленными осколками.

Я едва удержалась, чтобы не взглянуть на заснеженные каменные плиты улицы, которая круто обрывалась к змеящейся Сидре. Набережная была полна художников, ценителей искусства и просто гуляющих. В день атаки на Веларис я стояла там и силой магии призывала волков, торопя их выпрыгнуть из сонных речных вод. А по улице навстречу реке текла кровь. Вместо смеха и песен – предсмертные крики и мольбы о помощи.

Я резко втянула воздух, и холод обжег мне ноздри. Я стала медленно выдыхать, разглядывая облачко пара и себя в витрине. Меня было трудно узнать в плотном сером шерстяном плаще и красно-сером шарфе, который я без спроса утащила из гардероба Мор. Задумавшись, я глядела в никуда.

Вскоре я обнаружила, что на меня смотрят изнутри. Тогда посетители галереи – их было пятеро или шестеро – поспешно отвели взгляд, вернувшись к картинам и поделкам. У меня мгновенно покраснели щеки, сердце застучало. Я заставила себя улыбнуться и быстро пошла дальше. А ведь мне так хотелось зайти внутрь. Тем более что я заприметила миленькую штучку, выставленную в витрине.

Держа руки в карманах плаща, я пошла по горбатой улице, стараясь не поскользнуться на камнях мостовой. Магические заклинания заменяли в Веларисе печи и камины. Благодаря им в заведениях всегда было тепло. Были даже целые площади, отапливаемые магией. Но сегодня, в день первого снега, всем хотелось ощутить его холодное дыхание и поцеловаться со снежинками.

Потому-то я и отправилась из городского дома пешком. Мне хотелось не только подышать бодрящим воздухом и понюхать снег. Я хотела пропитаться

радостным возбуждением горожан, готовящихся к празднику. Никакой переброс, никакой полет не дадут такого ощущения.

Риз и Азриель, когда им позволяло время, по-прежнему учили меня летать. Мне самой это очень нравилось! Но летать зимой, подставляя морозу чувствительные крылья… от одной мысли меня бросало в дрожь.

Меня почти не узнавали. Я шла, удерживая магическую силу внутри. К счастью, большинство горожан поглотили предпраздничные заботы и первый снег, и они не замечали окружающих.

Отчасти мне повезло, хотя я не избегала общения. Будучи верховной правительницей, я с Ризом ежедневно принимала посетителей в Доме ветра, выслушивая просьбы. Просьбы одних были совсем незатейливыми: например, починить уличный фонарь со светильником фэйского света. Другие обращались по более сложному делу: прекратить завоз товаров из других дворов, дабы не страдали местные ремесленники.

Были и такие дела, которыми Риз занимался веками, но об этом знала только я. В разговорах с просителями он не позволял себе ни малейшего намека, что не они первые обращаются с этим делом и что решение не настолько простое и однозначное, как кажется.

Нет, Риз выслушивал каждого посетителя, задавал вопросы по существу и обещал прислать скорый ответ. Несколько встреч я просидела молча, учась искусству слушать и задавать вопросы. Риз меня не торопил, обращаясь ко мне только в случае острой необходимости. Он давал мне прочувствовать все особенности этих встреч, войти в их ритм. Постепенно я втянулась и сама стала задавать вопросы и отвечать просителям. Риз тоже не жалел времени, лично отвечая на каждое обращение.

Неудивительно, что стопки бумаг в городском доме постоянно росли. И как только Риз ухитрялся столь долго обходиться без толпы помощников? Для меня это до сих пор загадка.

Я шла дальше. Ярко раскрашенные стены домов Радуги напоминали летний луг с цветами. Впрочем, лето бывает разным, и минувшее… Я поймала себя на том, что думаю о Несте.

Веларис по всем меркам считался городом зажиточным. Городские власти заботились о жителях, здания и улицы содержались в чистоте. Однако Неста ухитрилась найти жилище в таком месте, которое очень напоминало трущобы человеческих городов. Она обосновалась в доме, который был старше Риза и требовал основательного ремонта.

Улиц с такими домами было всего ничего. Когда я спросила у Риза, почему их не приводят в порядок, он пожал плечами и сказал, что неоднократно пытался, но увы… Ремонтировать подобные дома не имело смысла. Их надо было сносить и строить новые. А значит – на время переселять жильцов. Дело стопорилось из-за упрямцев, цеплявшихся за развалюхи и не желавших уезжать. Потом – атака на Веларис, война. До трущоб руки не дошли.

Отчетливее я поняла слова Риза пару дней назад, когда он протянул мне внушительный список и спросил, не хочу ли я чего-нибудь добавить. Это был список благотворительных расходов, приуроченных ко Дню зимнего солнцестояния. Помощь беднякам, больным и престарелым. Деньги молодым матерям, желающим заниматься ремеслами на дому. А между этими статьями расходов – множество других, не менее важных. Я добавила к списку два пункта. Оба они были связаны с сообществами добровольцев, где я помогала. Помощь людям, которые из-за войны с Сонным королевством оказались на землях Двора ночи. И помощь иллирианским вдовам и детям, потерявшим на войне мужей и отцов. Суммы наших пожертвований были более чем внушительными. Такие деньги мне даже не снились.

В своей человеческой жизни я мечтала лишь о том, чтобы в доме хватало еды. А деньги… Наверное, столько, чтобы не нужно было каждый день ходить на охоту и чтобы у меня оставалось время на рисование. О большем я не мечтала. Я была бы счастлива, если бы сестры вышли замуж, а я осталась бы с отцом, заботясь о нем и создавая картины.

Но если на время забыть, что у меня есть Риз, что мои сестры обрели бессмертие, а я стала верховной правительницей… одно то, что я живу в этом потрясающем городе и могу гулять по Радуге, когда вздумается…

Я подошла к перекрестку и свернула на другую улицу. Здесь аккуратными рядами тянулись здания одинаковой высоты. Жилые дома, галереи, мастерские художников. Снег успел припорошить и эту улицу, служа великолепным фоном

для веселой расцветки домов. Но и здесь попадались серые островки пустующих зданий.

Я остановилась возле полуразрушенного дома. Когда-то его стены были выкрашены в салатный цвет. Сейчас они выглядели уныло-серыми, словно атака на Веларис уничтожила и яркость красок. Соседние здания – в таком же состоянии. Картинная галерея на другой стороне была наспех заколочена досками.

Я получала ежемесячное жалованье. Мысль о том, что мне платят деньги, до сих пор не укладывалась в голове. Несколько месяцев назад я начала делать отчисления на восстановление Радуги и помощь художникам. И не только я… Но шрамы еще оставались: и на зданиях, и на обитателях.

Я смотрела на заснеженные развалины. Кто жил здесь? Чем занимался? Удалось ли им спастись, или они погибли в тот страшный день?

И таких мест в Веларисе много. Я видела их ежедневно, раздавая теплую одежду и встречаясь с нуждающимися.

Из ноздрей вырвалось облачко пара. Я понимала, насколько нелепо торчать перед развалинами. Мое присутствие не восстановит стены и не оживит погибших. Нужно идти дальше, улыбаться как ни в чем не бывало, наслаждаться первым снегом. Но что-то меня не пускало…

– Им удалось вовремя покинуть дом, – послышался женский голос за спиной.

Я резко обернулась и едва не упала, поскользнувшись на обледенелой мостовой. Рука инстинктивно схватилась за обломок стены. Азриель столько бился со мной, обучая не скользить… Но стоило мне увидеть женщину, обратившуюся ко мне, и я мигом позабыла про собственную неловкость.

Впервые я увидела ее в день атаки на Веларис и накрепко запомнила. Тогда она стояла возле двери с куском ржавой трубы на плече, готовая вступить в схватку с солдатами Сонного королевства. Те бесчинствовали на улицах Радуги, разрушая дома и убивая всех подряд… пока мои водяные волки не вступили с ними в смертельную схватку. Отважная женщина была готова защищать перепуганных соседей, нашедших пристанище в ее доме.

Легкий румянец очень шел ее светло-зеленой коже. Ветер теребил длинные черные волосы. Женщина была в коричневом пальто. Розовый шарф согревал шею и подбородок, и только длинные тонкие пальцы почему-то остались без перчаток.

Она принадлежала к зеленокожим фэйри. Мне они встречались нечасто. Чертами лица и фигурой женщина напоминала фэйку, однако уши были длиннее и тоньше моих. Даже плотная одежда не могла скрыть особой худощавости, присущей фэйри.

Я посмотрела в ярко-охристые глаза и невольно подумала о красках, какие требовалось смешать для получения такого оттенка.

– Рада слышать, – слегка улыбнувшись, ответила я.

Мы замолчали. В шум ветра, дующего с Сидры, вплеталось веселое пение.

– Здравствуйте, госпожа, – произнесла фэйри и чуть наклонила голову.

Меня до сих пор смущало, когда ко мне обращались на «вы». Хорошо еще, она не сказала «госпожа верховная правительница». Я не знала, как завязать разговор, и выпалила первое, что пришло в голову:

– Снег пошел.

Банальнее не придумаешь. Как будто белое пушистое покрывало могло быть чем-то иным!

Женщина вновь наклонила голову.

– Да. – Она улыбнулась небу и снежинкам, белыми звездочками покрывшим ее волосы. – Замечательный первый снег.

– Ты знала тех, кто здесь жил? – спросила я, кивая на развалины.

– Конечно. Теперь они живут на хуторе у родственников.

Она махнула в сторону низин, лежавших между Веларисом и берегом моря.

Я кивнула и тут же задала новый вопрос, указав на заколоченное здание галереи:

– А там?

Светло-вишневые губы фэйри плотно сжались.

– Им повезло меньше.

У меня взмокли ладони.

– Понимаю, – только и могла ответить я.

Женщина повернулась ко мне. С волос посыпались снежинки.

– Ее звали Пилана. Она держала картинную галерею… Несколько веков.

А теперь вместо галереи – темный мертвый дом.

– Мне больно это слышать, – сказала я, не зная, что? еще говорить.

– Это не должно печалить вашу душу… госпожа.

Я закусила губу. Мне не хотелось обсуждать подобные вещи с теми, кого я видела второй раз в жизни. Я пропустила ее слова мимо ушей и спросила:

– Кто-нибудь из родных Пиланы уцелел?

– К счастью, да. Ее сестра, племянники и племянницы. Они тоже переселились в низины. Дом теперь выставлен на продажу.

Я смущенно заморгала, уловив в ее словах скрытое предложение.

– Я совсем не об этом.

Откуда у нее такие мысли?

– А что в этом плохого?

Простой, откровенный вопрос. Более прямой, чем многие вопросы, которые мне отваживались задавать горожане.

– Мне есть где жить. Зачем мне галерея?

Фэйри изящно взмахнула рукой:

– Если верить слухам, вы прекрасная художница. Я бы нашла применение этому дому, и не одно.

Я отвернулась, ругая себя за робость:

– Последнее время мне было не до картин. Даже если и возьмусь за кисть, покупать галерею пока не собираюсь.

Фэйри дернула плечом:

– Это вам решать, госпожа. Простите, но я некоторое время наблюдала за вами. Вы шли так, словно прятались. Или боялись, что вас узнают. Почему? Вы же знаете: вам открыты все двери. Везде вас встретят с радостью.

– Как верховную правительницу? – отважилась спросить я.

– Как одну из нас, – простодушно ответила фэйри.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу. При всей их странности они показались мне… фрагментом мозаики, о существовании которого я даже не подозревала. Или протянутой рукой, которую мне отчаянно хотелось пожать, но это желание я осознала только сейчас.

Я сняла перчатку и сама протянула руку:

– Меня зовут Фейра.

Женщина сжала мои пальцы. При внешней хрупкости ее рукопожатие было невероятно сильным.

– Рессина, – кратко представилась она.

Она не улыбалась дежурно и не сыпала участливыми словами. Ее дружелюбие – настоящее.

На башне, что стояла у самой границы Радуги, колокола пробили полдень. И сейчас же им ответили колокола других городских башен.

– Мне пора, – сказала я, отпуская руку Рессины. – Была рада с тобой познакомиться.

Я натянула перчатку на озябшие пальцы. Нужно будет за зиму поупражняться в огненном даре. Хорошо бы научиться согревать себя и одежду, не устраивая при этом пожара.

Рессина махнула в сторону здания, мимо которого я проходила по пути сюда. Когда-то она защищала его от захватчиков Сонного королевства. Стены ярко-малинового цвета. Светло-бирюзовые двери и оконные переплеты. Такой же цвет был у воды залива, на берегу которого стояла Адриата.

– У нас там мастерская. Если вам понадобится совет по части живописи или захочется пообщаться – милости прошу. Я провожу там почти все время, а живу на втором этаже.

Рессина указала на маленькие круглые окошки второго этажа.

Я поблагодарила ее, приложив руку к груди.

Мы снова замолчали. Перед мысленным взором встали истерзанная улица и Рессина, готовая защищать свой дом и друзей.

– Мы все помним, – сказала она, читая мои мысли.

Она смотрела на развалины, на заколоченную галерею и, наверное, тоже видела улицу, густо залитую кровью.

– Вы ведь тогда нас спасли.

Я не знала, куда деть руки. Что на это ответить? Лучше промолчать.

Охристые глаза Рессины ярко вспыхнули.

– Если мы стараемся не мозолить вам глаза – это не от короткой памяти или неблагодарности. Мы понимаем: нынче вам не до нас. Но поверьте, каждый из нас знает и помнит, кого мы должны благодарить за помощь в тот день.

Слушая ее, я не гордилась, а осознавала мизерность наших усилий. На улицах Велариса по-прежнему встречались развалины. И горожане, пострадавшие во время нападения, продолжали умирать.

Рессина отошла на несколько шагов и остановилась.

– Раз в неделю, по вечерам, мы с друзьями собираемся и рисуем вместе. Ближайшая встреча – через пару дней. Вы окажете нам большую честь, если придете.

– А чему посвящены ваши картины? – осторожно спросила я.

– Тому, о чем необходимо рассказывать, – скупо улыбнувшись, ответила Рессина.

На Веларис надвигался холодный вечер, однако улицы не пустели. Горожане шли, обвешанные коробками и свертками. Кто-то едва тащил громадные корзины с фруктами, которые продавались на многочисленных лотках в торговых Дворцах.

Капюшон моего плаща был с меховой подкладкой, надежно защищавшей от холода и ветра. Я лавировала между лотками и тележками Дворца рукоделия и драгоценностей. Последние интересовали меня больше.

Кое-где магическое отопление сохранялось, но во многих местах заклинания временно сняли, чтобы горожане могли насладиться первым снегом. Я вдоволь им насладилась и теперь жалела, что не надела кофту потеплее. Мне бы не помешало умение согреваться с помощью магии, но без пламени на одежде. Только не знаю, хватит ли у меня на это времени.

Обойдя несколько магазинчиков, я решила вернуться в первый. Пожалуй, подарки я куплю именно там. Где-то на полпути меня взяли под руку.

– Если купишь Амрене тот большой сапфир, она воспылает к тебе вечной любовью, – сказала Мор, лениво растягивая слова.

Я засмеялась и откинула капюшон, мешавший рассмотреть подругу целиком. Мороз разрумянил ее щеки. Золотистые волосы, заплетенные в косы, уходили под белую меховую подкладку плаща.

– Вот только вряд ли наши сундуки воспылают ко мне такой же любовью.

– Не прибедняйся, – усмехнулась Мор. – Уж тебе ли не знать, насколько мы богаты?

Она кивнула в сторону витрины ювелирного магазина, где красовался сапфир размером с яйцо.

– Ты можешь заполнить такими камешками всю купель, а мы не обеднеем даже на полноготка.

Я знала, поскольку видела списки нашего имущества, но размеры богатства Риза… моего богатства и сейчас не укладывались в голове. Многозначные цифры были чем-то неосязаемым, напоминая детскую игру в деньги. Возможно, мое скудное человеческое детство до сих пор давало о себе знать, однако я не транжирила деньги направо и налево, покупая лишь необходимое.

Но сейчас…

– Я выбираю ей подарок на День зимнего солнцестояния.

Мор придирчиво оглядела витрину, где красовались драгоценные камни в оправе и без оправы, ограненные и первозданные. Одни сверкали, как упавшие звезды. Другие мерцали и переливались, словно их доставили сюда из пылающего сердца планеты.

– Ты согласна, что в этом году Амрена заслуживает достойного подарка?

Если бы не Амрена, неизвестно, чем бы окончилось последнее сражение с Сонным королевством. Она уничтожила их армию. Никто не думал, что после этого она останется в нашем мире. А она осталась…

– Мы все заслуживаем.

Мор пихнула меня локтем, но ее карие глаза вспыхнули.

– Как ты думаешь, Вариан будет праздновать с нами?

– Я вчера спрашивала. Амрена увильнула от ответа, – сказала я.

– Надо знать Амрену. Скорее всего, да. Если не у нас, то у нее он наверняка побывает.

Я улыбнулась и потащила Мор к другой витрине. Ее плащ был теплее моего, и я крепко прижималась к ее боку. Амрена и наследный принц Адриаты не делали официальных заявлений. Но среди снов о войне мне снился и тот, где Амрена сбрасывала бессмертное обличье, а Вариан вставал перед ней на колени.

Амрена не была фэйкой. Она явилась сюда из иного мира. По нашим меркам это и был настоящий ад. Она выполняла повеления некоего жестокого бога, была его палачом. Беспомощные и беззащитные смертные тысячами гибли от ее рук. Однако наша планета стала для нее ловушкой. Амрена попала в заточение, где провела пятнадцать тысяч лет. Ризанд сделал ее советницей. Она выбралась из подземной тюрьмы, но выбраться из фэйского тела не могла.

В мире, откуда она пришла, не было любви. Не существовало даже такого понятия. И Амрена великолепно обходилась без любви. Мне думалось: не повстречайся ей принц Адриаты с серебристыми волосами, может, и не случилось бы ее подвига, изменившего историю и судьбу планеты. Не знаю, можно ли назвать это любовью. Наверное… на доступном Амрене уровне.

Официальных заявлений они не делали. Но я знала: Вариан тайком наведывался к ней в Веларис. Откуда я это знала? По утрам, когда Амрена появлялась у нас в городском доме, на ее лице играла чисто кошачья ухмылка.

Конечно, Амрена заслуживала особого подарка. Но любой подарок, сколько бы он ни стоил, был несопоставим с тем, чем она пожертвовала ради спасения нашей планеты…

Подарок для Амрены мы с Мор заметили одновременно.

– Этот, – сказала Мор.

Я открыла стеклянную дверь, задев серебряный колокольчик. Он отозвался веселым звоном. Узнав нас, продавщица несколько оторопела, но тут же заулыбалась и проворно выложила будущий подарок на бархатную подставку. Затем, найдя предлог, деликатно отлучилась во внутреннее помещение, чтобы не мешать нам внимательно осмотреть выбранное.

– Само совершенство, – выдохнула Мор, глядя на игру света внутри камней.

Это была не просто игра. Поймав свет извне, камни вспыхивали неповторимым огнем.

– А какой подарок хочешь ты? – спросила я у Мор, водя пальцем по прохладным серебряным оправам камней.

Мор пожала плечами. Я только сейчас обратила внимание, что цвет плаща подобран под цвет ее глаз.

– У меня есть все необходимое.

– Это ты рассказывай Ризу. По его мнению, на День зимнего солнцестояния дарят не то, в чем ты нуждаешься, а то, чего ты никогда бы не купила сама.

Мор округлила глаза. Я собиралась сделать то же самое, добиваясь от нее ответа.

– И все-таки что? ты хочешь?

– Говорю тебе, ничего. Ровным счетом ничего.

Ничего в известных пределах. А дальше начиналось то, о чем она не готова просить. Поиски в тех неведомых далях тоже пока не начинались.

– Ты много времени проводишь в заведении «У Рэтты», – продолжала я, стараясь говорить как можно непринужденнее. – Может, тебе хочется пригласить кого-то из друзей к нам на праздничный обед?

– Нет, – коротко ответила Мор, полоснув по мне взглядом сощуренных глаз.

Во время войны она кое-что мне рассказала. Но когда и в какой форме она расскажет об этом остальным, и прежде всего Азриелю, – решать только ей. Моя единственная задача – находиться рядом и, если понадобится, прикрывать тылы Мор.

– А что ты мыслишь подарить другим? – спросила я, уводя разговор в безопасное русло.

Мор нахмурилась:

– Когда из века в век делаешь подарки, поиск чего-то нового и необычного становится настоящей занозой в заду. Не удивлюсь, если у Азриеля все ящики комода забиты кинжалами, которые я подарила ему за эти века. Он слишком порядочен и не позволит себе выбрасывать подарки, но кинжалы валяются без дела.

– Неужели ты веришь, что он когда-нибудь расстался бы с Правдорубцем?

– Аз отдал Правдорубца Элайне, – сказала Мор, любуясь ожерельем из лунного камня в ближайшей витрине.

– Элайна вернула ему кинжал, – возразила я.

Память тут же подкинула картину: черное лезвие, торчащее из горла правителя Сонного королевства. Но после сражения моя сестра вложила кинжал в руку Азриеля – точно так же часами ранее он вкладывал Правдорубца в ее ладонь. А потом, не оглядываясь, она ушла с залитого кровью поля.

Мор напевала себе под нос. Вернулась продавщица. Я попросила ее записать покупку на мой счет, стараясь не морщиться, когда одним росчерком пера облегчила его на кругленькую сумму.

Мы вышли на внутреннюю площадь дворца, где невозможно было протолкнуться. В воздухе соблазнительно пахло горячим шоколадом. Его продавал владелец ярко-красной тележки.

– Вернемся к нашим иллирианским воинам, – сказала я. – Ломаю голову и не могу придумать, что? им подарить. Может, подскажешь?

Советоваться насчет подарка Ризу я не решалась. Я обожала Мор, но подарок для истинной пары должна выбирать сама, без подсказок.

– Кассиану ты вполне можешь преподнести кинжал или нож, и он расцелует тебя в обе щеки. Аз скорее согласится вообще остаться без подарков, дабы не привлекать к себе внимания, когда он будет их открывать.

– Это верно, – согласилась я.

Мы брели дальше. В обычные дни город пах морской солью, лимоном и вербеной. Сегодня привычные запахи уступили место ароматам шоколада, жареных каштанов и сосновых шишек.

– Ты в праздничные дни собираешься к Виване? – спросила я.

В послевоенные месяцы Мор постоянно общалась с женой верховного правителя Двора зимы. Возможно, Вивана вскоре станет верховной правительницей, если пойдет дальше желаний. С Мор они дружили не один век, пока самозваное правление Амаранты не оборвало их общения. При всей жестокости, война с Сонным королевством имела и положительные последствия. Возобновилась дружба Мор и Виваны. Отношения между Ризом и Каллиасом оставались прохладными, но благодаря дружбе женщин мост, перекинутый между дворами, сохранялся.

– Вообще-то, собиралась, – ответила Мор. – Через день-другой после Дня зимнего солнцестояния. У них торжества длятся неделю.

– А ты там бывала прежде?

Мор покачала головой, и ее золотистые волосы сверкнули, поймав свет фэйских фонарей.

– Прежде границы Двора зимы оставались закрытыми даже для друзей. Но теперь, когда правит Каллиас, а рядом с ним – неутомимая Вивана, их двор снова открывается миру.

– Я с трудом могу вообразить их празднества.

У Мор засияли глаза.

– Вивана мне рассказывала. Если сравнить с нашими – у нас сплошная скучища. Там танцуют, пируют, дарят роскошные подарки. В громадных очагах полыхает огонь. Туда бросают не поленья, а целые стволы. В котлах не иссякает подогретое вино с пряностями. Дворец услаждает пение тысячи менестрелей, и им вторят колокольчики саней, куда запрягают потрясающих белых медведей.

Мор вздохнула. Я тоже. Нарисованная ею картина уплывала в морозный воздух. В Веларисе праздновали самую длинную ночь в году. Во владениях Каллиаса праздновали зиму.

– Между прочим, я разыскала тебя не просто так, – сообщила Мор, погасив улыбку.

– Неужели что-то еще, кроме странствий по магазинам?

– Вечером мы отправляемся в Каменный город.

Я сжалась.

– «Мы» – это все?

– Во всяком случае, мы с тобой и Риз. Насчет остальных не знаю.

– Зачем? – простонала я.

– Традиция, – сказала Мор, останавливаясь у прилавка, где были аккуратно разложены шарфы. – Накануне Дня зимнего солнцестояния мы наносим краткий визит Двору кошмаров, чтобы поздравить с праздником и пожелать благополучия.

– Ты серьезно?

Мор скорчила гримасу, кивнула оторопевшему торговцу и продолжила:

– Я же тебе объясняю: традиция. Жест доброй воли. Или подобие оного. После недавней войны этот визит впервые не вызывает у меня отвращения.

Кейр и его вестники тьмы тоже воевали с Сонным королевством.

Число покупателей и зевак заметно возросло. Мы с трудом проталкивались к выходу. Над головой вспыхивали шары фэйского света. Откуда-то из глубин сознания, где спали неосуществленные замыслы, выплыло название будущей картины: «Стужа и звездный свет».

– Вы с Ризом не могли сказать мне раньше? Или хотели сделать сюрприз? – спросила я, борясь с подступающим раздражением.

– Риз исчез на весь день. Я решила, что лучше отправиться туда сегодня. Не портить же себе канун праздника такими визитами. Сегодня – самый

подходящий вечер.

До кануна оставалось еще достаточно времени. Можно было отправиться в Каменный город и завтра, и послезавтра. Но лицо Мор оставалось подозрительно невозмутимым.

– Ты ведь надзираешь за Каменным городом и постоянно решаешь все их дела, – не унималась я.

Пока Риза не было, Мор управляла подземным городом и задавала жару жуткому папаше.

В моих словах скрывался вопрос, и Мор его почуяла.

– Сегодня там будет Эрис. Утром узнала от Аза.

Я молчала и ждала дальнейших объяснений.

Карие глаза Мор потемнели.

– Интересно будет взглянуть, как развиваются теплые отношения моего папочки с Эрисом.

Что ж, мне тоже интересно.

Глава 5

Фейра

Риз вернулся под вечер. Я встретила его, уютно устроившись на кровати. Манящую силу Риза я ощутила задолго до его приближения к дому. Она была

похожа на темную мелодию, наполняющую мир.

Мор сказала, что в Каменный город мы отправимся часа через полтора, а то и позже. Можно было заняться писаниной, терпеливо ожидавшей меня на столе, но я нашла себе оправдание: нельзя писать ответы наспех. Поэтому я улеглась на кровать с книгой. Я едва успела прочитать десяток страниц, когда Риз открыл дверь спальни.

Его иллирианские доспехи блестели от талого снега. Еще больше снега набилось в волосы и между крыльями.

– Ну вот, где утром тебя оставлял, там и нашел, – сказал Риз, закрывая дверь.

Я улыбнулась и отбросила книгу, которая утонула в белом пуховом одеяле.

– Неужели это все, на что я гожусь? – спросила я.

Риз хищно улыбнулся. Он снял оружие, затем доспехи. Глаза его озорно сверкали, однако каждое движение было медленным и требовало усилий. Казалось, он отчаянно сражается с усталостью.

– Давай скажем Мор – пусть перенесет визит ко Двору кошмаров на другой день, – сказала я, хмуро поглядывая на него.

– Зачем? Если Эрис и впрямь намеревается там быть, я немножко удивлю его своим появлением.

– Ты с ног валишься от усталости. По-твоему, это недостаточная причина?

Риз театрально приложил руку к сердцу:

– Любовь моя, твоя забота согревает меня лучше, чем зимний очаг.

Что я могла ответить? Только сесть на постели, вытаращить на него глаза и спросить:

– Ты хотя бы ел?

Он пожал широкими плечами, натянув ткань рубашки.

– Я прекрасно себя чувствую.

Взгляд Риза скользнул по моим голым ногам, и я поспешила прикрыть их одеялом.

Желание жаркими волнами разлилось по телу, но я совладала с собой, предложив сходить за едой.

– Чего-то не хочется, – отмахнулся Риз.

– Когда ты в последний раз ел?

Ответом мне было угрюмое молчание.

– Так я и думала, – вздохнула я, натягивая теплый халат. – Умывайся, переодевайся. Через сорок минут отправляемся.

Риз сложил крылья. Фэйский свет играл на когтях, венчающих каждое крыло.

– Тебе незачем…

– Мне – да, а вот тебе надо поесть. Отправляться туда на голодный желудок…

Я выпорхнула в коридор, стены, пол и потолок которого были окрашены в небесно-голубой цвет.

Минут через пять я вернулась. Риз встречал меня у открытой двери, раздевшись до нижнего белья.

– По-моему, ты притащила все съедобное, что нашла на кухне, – заключил он, не думая одеваться для визита. – Я бы мог спуститься.

Я показала ему язык и принялась выискивать свободный уголок, куда можно поставить поднос. Таких уголков не нашлось. Даже столик у окна был завален исключительно важными и нужными вещами. Пришлось опустить поднос на кровать.

Риз сел, сложил крылья и попытался усадить меня к себе на колени. Я выскользнула и остановилась на недосягаемом расстоянии.

– Сначала ешь.

– А тебя я оставлю на десерт, – сказал он, награждая меня улыбкой шкодливого кота и принимаясь за еду.

Видя, с какой жадностью Риз набросился на ужин, я притушила очередную волну жара, поднятую его словами.

– Ты вообще сегодня ел что-нибудь?

Риз сверкнул на меня фиолетовыми глазами, дожевал хлеб и принялся за холодную говядину:

– Утром съел яблоко.

– Риз!

– Я был занят.

– Риз! – повторила я.

Он отложил вилку и улыбнулся:

– Что, моя дорогая Фейра?

– Никто не бывает настолько занят, чтобы не выкроить десять минут на еду.

– Напрасно ты беспокоишься.

– А у меня работа такая – беспокоиться. Если уж на то пошло, ты сам постоянно беспокоишься по куда более пустячным поводам.

– Твои месячные – отнюдь не пустячный повод.

– Ну, было чуть-чуть больно.

– Ты так металась по кровати, словно тебя резали изнутри.

– А ты хлопал крыльями и кудахтал, как властолюбивая наседка.

– Почему-то, когда Мор и Кассиан с Азом справлялись о твоем самочувствии, ты на них не кричала.

– Они не пытались кормить меня с ложки, как немощную.

Посмеиваясь, Риз дожевывал остатки мяса.

– Я согласен кормиться по часам, если дважды в год ты позволишь мне побыть властолюбивой наседкой.

Месячные у фэйки сильно отличались от месячных смертной женщины. Поначалу, когда исчезли привычные боли, я обрадовалась и сочла это подарком судьбы… пока два месяца назад меня не скрутило в первый раз.

Я говорю «месячные», хотя у фэйцев эта пора называется по-другому. И наступает она дважды в год, продолжаясь неделю. Неделю нестерпимой боли, разрывающей живот на куски. Даже Маджа – искуснейшая целительница, сотворившая чудо с израненным Кассианом, – не могла мне помочь. Единственное, что она предлагала, – погрузить меня в бессознательное состояние. В один из тех жутких дней я всерьез подумывала, не согласиться ли на ее предложение. Боль не только выкручивала мне живот. У меня ломило спину. Боль поднималась выше, достигая рук. Казалось, внутри без конца мелькают молнии. Я и в прежней жизни паршиво себя чувствовала, когда накатывали месячные. В иные дни не могла вылезти из кровати. Увы, вместе с преображенным телом и магическими способностями я получила и такое. Боль, вызываемая месячными, не исчезла, а, наоборот, усилилась.

Мор могла лишь сострадать мне и поить имбирным чаем. «Это всего дважды в год», – утешала она. В ответ я стонала, что для меня и двух раз слишком много.

Риз не отходил ни на шаг. Гладил меня по волосам, менял простыни, которые тут же становились мокрыми от пота. Он даже обмывал меня. Мне было неловко снимать при нем перепачканное кровью нижнее белье. «Обыкновенная кровь», – невозмутимо заявлял он. Я не спорила и не возражала. Не было сил. Каждое движение отзывалось болью. Боль туманила разум, путала мысли.

Где-то в конце мучительной недели я вдруг подумала: раз такое со мной случилось, значит я не беременна. Риз исправно пил противозачаточное снадобье, оберегая меня от зачатия. Но фэйские женщины беременели редко. Зачать ребенка для них было делом нелегким. Я и не торопилась становиться матерью. Правда, иногда возникала мысль: если я буду дожидаться душевной готовности к деторождению, не накажет ли меня судьба за проволочки?

Я не забыла, в чьем обличье показался нам Косторез. Риз тоже помнил.

Но он не подгонял меня и не задавал вопросов. Мне хотелось сполна насладиться жизнью с ним, прежде чем у нас появятся дети. Однажды я сказала ему об этом. Те же слова я могла бы повторить и сейчас. Впереди было еще столько дел. Мы не замечали, как пролетают дни. Сама мысль о ребенке… это не вязалось с нашей нынешней жизнью. Конечно, вместе с беременностью изменились бы и мои рассуждения. Фэйцы относились к появлению детей как к редким подаркам судьбы. Но пока… уж лучше я буду дважды в год выдерживать пытки и помогать проходить через них сестрам.

Я не стремилась заводить с Нестой и Элайной разговор о том, чем организм фэйской женщины отличается от человеческого. Но кто еще им объяснит? Должна признаться: нам троим было не по себе.

Неста лишь молча смотрела на меня: холодно, не мигая. Элайна покраснела и что-то пробормотала про несвоевременность подобных разговоров. Она ошибалась. Мои сестры превратились в фэек почти полгода назад. Скоро и их скрючит. Правда, я была заново рожденной, а они – сотворенными Котлом. Возможно, у них все пройдет по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/maas_sara/korolevstvo-stuzhi-i-zvezdnogo-sveta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити